

Проф. Мих. Грушевскій.

ДВИЖЕНІЕ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
УКРАИНСКОЙ МЫСЛИ
ВЪ ХІХ СТОЛѢТІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1907.

Проф. Мих. Грушевскій.

Д В И Ж Е Н І Е
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ
УКРАИНСКОЙ МЫСЛИ
в ъ Х І Х столѣтїи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.

1907.

Прошлый вѣкъ начался на Украинѣ подъ знакомъ уничтоженной гетманщины: сожалѣніями объ утратѣ автономіи и мечтами объ ея возстановленіи. Болѣе импульсивный Капнистъ, послѣдній представитель активных автономистовъ XVII—XVIII в., въ качествѣ делегата своихъ земляковъ, „доведенныхъ до отчаянія тиранніей русскаго правительства“, неудачно пробуетъ заручиться поддержкой прусскаго правительства на случай украинскаго возстанія для сверженія „русскаго ига“ и возстановленія „старого козацкаго устройства“, съ потерей котораго не можетъ, по его словамъ, помириться козацкое войско ¹⁾). Болѣе сдержанный поэтъ, родоначальникъ возрождающейся украинской литературы, посвящаетъ свою извѣстную строфу—элегическій вздохъ—отшедшей гетманщинѣ:

Такъ, вічної памяти, бувало
У насъ в гетьманщині колись:
Такъ просто війсьсько шикovalo,
Не знавши: стій, не шевелись!

Первоначально напечатано въ журналѣ «Украинскій Вѣстникъ», № 9 (16 іюля 1906).

1) Подробнѣе въ моемъ „Очеркъ исторіи украинскаго народа“, гдѣ гл. XX—XXIV (новаго изданія) посвящены исторіи упадка и возрожденія украинства въ XVII—XIX вѣкахъ.

Так славні полки козацькі
Лубенський, Гадяцький, Полтавський
В шапках було, як мак, цвітуть!
Як грянуть, сотнями ударять,
Передь себе пикн наставлять,
То мов мітлою все метуть ¹⁾.

Со временемъ, однако, эти мечты и вздохи становятся слабѣе и глуше. Возстановленіе (очень преходящее и частичное) старыхъ учреждений гетманщины, предпринятое, въ общей реакціи предшествующему царствованію, императоромъ Павломъ, не поддержало ихъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Наоборотъ, оно могло до нѣкоторой степени даже расхолодить въ этихъ мечтахъ украинское общество, уже отвыкшее отъ этихъ старыхъ учреждений, именно тѣмъ, что поставило его лицомъ къ лицу съ этими старыми призраками. И если въ правительственныхъ кругахъ не прекращаются подозрѣнія украинской аристократіи въ планахъ возстановленія гетманства, если даже толки называютъ все новыхъ и новыхъ кандидатовъ на гетманскую булаву,—то несомнѣнно, что въ этихъ подозрѣніяхъ говорила болѣе неспокойная „совѣсть“ правительства, чѣмъ факты реальныхъ настроеній этой украинской аристократіи. Послѣдняя весьма спокойно сочетавала платоническіе вздохи, о старинѣ съ ревностной службой новому режиму и еще болѣе ревностными заботами объ упроченіи своего личнаго и классоваго благополучія, на почвѣ новыхъ порядковъ.

¹⁾ „Такъ бывало и у насъ когда-то въ блаженной памяти гетманщинѣ: такъ войско строилось въ свободные ряды, не зная: „стой“, „не шевелись!“ Такъ славные козацкіе полки Лубенскій, Гадяцкій, Полтавскій цвѣли, бывало, какъ макъ, своими шапками, а какъ грянуть, ударять сотнями, высунувъ передь собою пикн, то метуть передь собою все какъ метлою“ (Котляревскій, *Виргиліева Енеида*, ч. IV). Рѣчь идетъ о замѣнѣ козацкой службы регулярною, о которой, какъ о предметѣ всеобщаго неудовольствія, говорилъ Капнисть.

Болѣ реальны были симпатіи и стремленія къ возвращенію казацкаго строя среди украинскіхъ массъ. Въ лѣвобережной Украинѣ къ нимъ съ большимъ успѣхомъ обращалось не разъ само правительство, надеждами на возвращеніе этого строя заохочивавшее украинское населеніе къ волонтерской службѣ въ козацкихъ полкахъ, формировавшихся въ трудныя минуты, но затѣмъ оставлявшее эти надежды безъ исполненія. Такъ было во время нашествія Наполеона, и позже, во время польскаго возстанія 1831 г. ¹⁾ Въ правобережной Украинѣ (Кіевской губ.) эти стремленія прорвались во время формированія ополченій для крымской кампаніи, когда крестьяне массами заявляли о своемъ желаніи идти на врага и домогались перечисленія ихъ въ козаки. Но въ основаніи этихъ стремленій, кромѣ козацкой традиціи, лежали иные мотивы, соціально-экономическаго характера: съ возстановленіемъ козацкаго устройства и перечисленіемъ въ козаки населеніе надѣялось освободиться отъ крѣпостной зависимости, податей, рекрутчины—словомъ, осуществить тѣ основы, на которыхъ опиралась старая козачина XVII вѣка.

Эту же демократическую, такъ сказать, сторону козацкой традиціи поддерживаетъ и выдвигаетъ украинское народничество, нарождающееся во второй четверти XIX столѣтія и въ своемъ развитіи значительно опереживающее народничество великорусское. Съ одной стороны, здѣсь дѣйствуетъ начавшееся съ конца XVIII в. рѣшительное обращеніе къ народному языку и народной стихіи въ возрождающейся украинской литературѣ; съ другой,—вліяніе идей западно-европейскаго романтическаго народничества, поддержанное впечатлѣніями

¹⁾ Въ 1830-хъ гг. правительство, опасаясь козацкихъ мечтаній, распорядилось даже перечислить этихъ козаковъ-добровольцевъ въ регулярную службу (на 18 лѣтъ!), а вѣ-которые полки были принудительно водворены на жительство на Кавказѣ.

славянскаго возрожденія и замѣтное въ украинскомъ обществѣ уже во второмъ десятилѣтїи XIX в., а вполне опредѣленно выступающее въ третьемъ. Въ результатъ являются запечатлѣнные уже вполне сознательнымъ демократизмомъ народническія теченія, для которыхъ украинскія массы, украинскій народъ становится не только предметомъ сочувствія въ его угнетенїи и стремленїй къ улучшенію его общественнаго и экономическаго положенія, но и предметомъ почитанія, какъ носитель правды и красоты жизни, возможное приближеніе къ которому становится руководящею идеею творчества и народоизученія. Старые герои козачины блекнутъ и меркнутъ передъ новымъ коллективнымъ и безымяннымъ героемъ—сѣрою массою, стремленія которой къ свободѣ и общественной справедливости вдохновляютъ новыя поколѣнія украинскаго общества.

Наиболѣе яркій и импульсивный представитель этого народничества (младшаго поколѣнія), Шевченко уже съ презрѣніемъ отворачивается отъ политикановъ-гетмановъ, этого „варшавскаго сора и грязи Москвы“, не умѣвшихъ стать на почвѣ народныхъ интересовъ, отстаивать свободу и свободный строй своей родины, закабалившихъ ее московскому самодержавію, а выдвинувшія ихъ народныя массы—старому и новому „панству“. Къ увлекающимъ его мечтамъ о былой „славѣ Украины“ неизмѣнно примѣшивается эта горькая память о погубившей ее розни старшины и народныхъ массъ, объ этихъ „тяжкихъ дѣлахъ“, забвеніе которыхъ онъ готовъ купить цѣною собственнаго „веселого вѣка“. Истиннымъ героемъ его и его единомышленниковъ дѣлается революціонный народъ, то козачество, которое ставитъ себѣ цѣлью достигнуть такого общественнаго строя, гдѣ не было бы „ни холопа, ни пана“. Болѣе радикальный, чѣмъ его товарищи, поэтъ мечтаетъ о новомъ народномъ возстанїи, которое „вражьей злою кровью“ омыло бы „оскверненную землю“ его родины и превратило бы раздѣленную рабствомъ однихъ и господствомъ другихъ, разъединенную сословными и

экономическими привилегіями украинскую народность въ „великую, новую, свободную семью“¹⁾).

При такомъ отношеніи къ прошлому у этого младшаго поколѣнія народниковъ неизбѣжно должно было исчезнуть то консервативно-лояльное отношеніе къ современнымъ условіямъ, къ самодержавному режиму Россіи и провозглашенной имъ официальной формулѣ православія, самодержавія и народности, которое умѣло сочетать со своимъ народолюбіемъ старшее поколѣніе украинскихъ народниковъ, находившее много точекъ соприкосновенія съ консервативно-реакціоннымъ славянофильствомъ и официальнымъ народничествомъ великорусскимъ. Съ половины XIX вѣка этотъ консерватизмъ и официальный патриотизмъ, встрѣчающійся у представителей стараго поколѣнія и у разныхъ *minores gentes* младшаго, нужно рѣшительно считать пережиткомъ, отжившею точкою зрѣнія для украинства. И здѣсь наиболѣе рѣзкимъ и сильнымъ выразителемъ новаго настроенія является опять-таки Шевченко, съ необыкновенною, ни прежде, ни послѣ невиданною силою заклеившій уродства самодержавнаго режима, обрушившійся на его носителей со всею горячностью негодованія не только порабощенной Украины, но и порабощаемаго общества Россіи. Страшныя репрессіи, нравственныя пытки, которыя встрѣтили его за смѣлыя слова, не сломили его гнѣвнаго духа, клеймившаго съ одинаковою силою до ссылки и послѣ возвращенія ея и „сатраповъ-унтеровъ“, и представителей темной и реакціонной церкви, и раболѣпствующую массу „нѣмыхъ, подлыхъ рабовъ“, „лакеевъ капрала пьянаго“²⁾).

Самодержавному режиму кружокъ Шевченка (такъ называемое кирилло-мееодіевское братство) проти-

¹⁾ Знаменитый его „Заповіт“ (завѣщаніе), писанный въ расцвѣтъ творчества, въ концѣ 1845 г.

²⁾ Отысканный недавно отрывокъ его стихотворенія „Юродивый“ съ необыкновенною силою рисуетъ это настроеніе поэта въ послѣдній періодъ его творчества

вопоставлялъ идею свободной славянской федераціи. Это было возобновленіемъ федеративныхъ идей „Соединенныхъ Славянъ“ 1820-хъ годовъ, но съ тою существенною поправкою, что принципъ національной федераціи проводился теперь и внутри восточнаго славянства ¹⁾. Украина должна была явиться самостоятельнымъ членомъ федераціи, составленной изъ самоуправляющихся національныхъ тѣлъ („такъ, чтобы каждый народъ составлялъ особенную рѣчь-посполитую“), объединенныхъ федеральнымъ правительствомъ—„общимъ славянскимъ соборомъ изъ представителей всѣхъ племенъ“. Демократическая организація ея должна была вѣнчаться республиканскимъ устройствомъ: „правление народное, съ правителемъ, избраннымъ на время“. Сословному строю, официальной народности и религіи, полицейскому гнету кружокъ противопоставлялъ требованія „всеобщаго равенства и никакого различія сословій“, религіознаго равноправія, свободы мысли и слова, а ближайшею цѣлью своею ставилъ „искоренене-

(послѣ ссылки); поэтъ обращается въ немъ къ воспомина-
ніямъ своей кievской жизни 1840-хъ г., когда

Капраль Гавриловичъ безрукий
Та унтер пяній Долгорукий
Украину правили...

Не вам,
Не вамъ, въ мережаній ливреі
Доносчики і фарсеі,
За правду пресвятую встать
І за свободу! Розпинать,
А не любитъ ви вчились брата..

1) Къ сожалѣнію, остаются непровѣренными показанія о существованіи въ 1820-хъ годахъ „Малороссійскаго общества“, ставившаго своею задачею осуществленіе политической независимости Украины; если эти показанія имѣютъ въ себѣ что нибудь реальное, мы имѣли бы въ немъ современную украинскую поправку къ планамъ освободительнаго движенія Россіи 20-хъ годовъ.

ніе рабства и всякаго униженія низшихъ классовъ“ и всеобщее распространеніе грамотности ¹⁾).

Доносъ на кирилло-мееодіевское общество и вызванный имъ процессъ, окончившійся полнымъ разгромомъ его, заключеніемъ и ссылкой членовъ (1847), внесли замѣтную остановку въ развитіе идей, которыми были проникнуты кирилло-мееодіевскіе „братчики“. Когда изъ своихъ подневольныхъ мѣстопробываній они собрались (увы, далеко не всѣ) въ концѣ 1850-хъ и началѣ 60-хъ годовъ въ Петербургѣ, ихъ захватила волна тогдашняго освободительнаго движенія, „великихъ реформъ“, центральнымъ вопросомъ которыхъ для нихъ являлся такъ давно и любовно разрабатывавшійся въ украинской литературѣ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Передъ этимъ вопросомъ дня отодвинулись на второй планъ политическіе идеалы кирилло-мееодіевского кружка, а съ другой стороны—поблѣднѣло и стусеивалось недоброжелательное отношеніе къ украинскому „провинциализму“, наблюдавшееся у великорусскихъ „прогрессивистовъ“ (вспомнимъ рѣзкіе выходы Бѣлинскаго противъ украинской литературы вообще и противъ Шевченка въ частности). Основанный кирилло-мееодіевцами журналъ „Основа“ (1861—2) явился выразителемъ тѣсной связи украинства съ тогдашнимъ освободительнымъ движеніемъ Россіи, съ прогрессивнымъ великорусскимъ обществомъ. Главное вниманіе обращаетъ онъ на вопросы освобожденія крестьянъ, землеустройства и самоуправленія украинскаго крестьянства, въ связи съ развитіемъ этихъ вопросовъ для цѣлой имперіи. Далѣе выдвигаются вопросы о мѣрахъ успѣшнѣйшаго распространенія грамотности и образованія, воскресныхъ школахъ, изданіи учебниковъ на народномъ языкѣ и т. д.

¹⁾ „Уставъ“ и „Правила“ кружка помѣщены въ журналѣ „Былое“ (за февраль 1906 г.).

Активный періодъ и на этотъ разъ продолжался недолго. Послѣдовавшее уже въ 1863 г. первое запрещеніе украинскаго слова (валуевскій циркуляръ) положило конецъ планамъ популярно-научной и учебной литературы, а затѣмъ и литературному движенію вообще. Проявленія общественной и личной инициативы подверглись также суровымъ преслѣдованіямъ,—выпасылки и аресты задавили попытки организационной дѣятельности. Возобновившіяся затѣмъ, послѣ почти десятилѣтняго антракта, главнымъ образомъ въ Кіевѣ, попытки легальной литературной и научной дѣятельности, изученія народной жизни, ея экономическихъ и общественныхъ условій, также скоро были задавлены новымъ, еще болѣе категорическимъ и абсолютнымъ запрещеніемъ украинскаго слова, создавшимъ новый „антрактъ“ въ развитіи украинства въ Россіи (указъ 1876 г., оставшійся въ силѣ вплоть до „временныхъ правилъ о неопременной печати“ 1906 г.).

Въ такихъ условіяхъ, гдѣ абсолютно запретными для Украинцевъ оставались цѣлыя области духовной дѣятельности, какъ научная, популяризаторская, переводная литература на украинскомъ языкѣ; гдѣ почти непреоборимыя преграды полагались украинской беллетристикѣ, украинскому театру; гдѣ съ серьезными препятствіями приходилось считаться даже изученію прошлаго и настоящаго Украины, украинскаго языка, исторіи, этнографіи; гдѣ самое подозрѣніе въ сочувствіи „украинофильскимъ идеямъ“ считалось преступленіемъ, признакомъ „сепаратизма“; гдѣ преслѣдовалось всякое проявленіе стремленій къ подъему культурнаго уровня украинскаго народа, его общественнаго и національнаго сознанія, всякое обращеніе къ его родному языку, какъ орудію культурнаго движенія,—въ такихъ условіяхъ, конечно, не мыслимо было сколько нибудь правильное движеніе не только украинской литературы или науки, но и политической и общественной мысли, лишеной всякихъ легальныхъ органовъ своего развитія. А эти условія съ періодами

обостренія и смягченія, но въ общемъ почти безъ измѣненій, затянулись на полныхъ сорокъ лѣтъ!

Наиболѣе импульсивные элементы украинскаго общества въ виду все болѣе усиливающейся правительственной реакціи и невозможности легальной политической и общественной дѣятельности примыкали къ современнымъ революціоннымъ движеніямъ Россіи и, выдвигая на первый планъ интересы политической борьбы, склонны были пренебрегать національными запросами, откладывая ихъ „на другой день послѣ побѣды надъ самодержавнымъ режимомъ“ Люди не допускавшіе такого пренебреженія, дорожившіе развитіемъ также и національной стороны общественнаго движенія, постепенно,—начиная уже съ первыхъ за-прещеній (1863), переносятъ свою литературную, отчасти и общественную дѣятельность за границы Россіи, въ австрійскую Украину, въ сосѣдній Львовъ,—въ виду непреодолимыхъ препятствій, ставившихся украинству въ Россіи.

Подъ воздѣйствіемъ этого вліянія и непосредственнаго участія украинскихъ силъ въ мѣстной литературной работѣ, галицкая литература и общество, значительно отставшія подѣ соединеннымъ господствомъ реакціонно-клерикальной польской шляхты и такой же австрійско-польской бюрократіи, теперь въ ускоренномъ темпѣ проходятъ стадіи развитія украинской общественной мысли, отъ наивнаго козакофильства къ романтическому, потомъ болѣе реальному народничеству и, наконецъ, къ социалистическимъ и радикально-прогрессивнымъ направленіямъ. Соединенными силами галицкихъ дѣятелей и Украинцевъ изъ Россіи, на ряду съ эволюціей литературной, съ выработкою формъ и средствъ просвѣтительной и вообще культурной работы, производится на украинской почвѣ Галиціи провѣрка и практическое приложеніе политико-общественныхъ схемъ и программъ, вырабатываются практическія формы общественной и политической организаціи и

т. п. ¹⁾. Съ 1890-хъ годовъ особенно, Галиція дѣлается горниломъ украинской политической и общественной мысли для всей Украины, такъ сказать—образцовой школой политической и культурной работы, въ которой принимаютъ живѣйшее участіе политически настроенные элементы украинскаго общества Россіи. Между тѣмъ правительственныя репрессіи украинству, съ одной стороны, и не національный (часто даже антинациональный, централистическій) характеръ революціонныхъ движеній—съ другой, приводятъ другую часть украинскаго общества къ принципиальному исключенію изъ ближайшей программы украинства задачу политическаго характера и сведенію его къ задачамъ чисто-культурнымъ—такъ называемому культурничеству.

Наиболѣе яркимъ и вліятельнымъ для своего времени представителемъ перзаго, такъ сказать—политическаго направленія былъ Драгомановъ († 1895), членъ кіевскаго украинскаго кружка 70 хъ гг., въ своемъ позднѣйшемъ положеніи эмигранта имѣвшій непосредственное воздѣйствіе на галицкое движеніе, но въ значительной степени также и на украинскіе кружки Россіи 1880-хъ и начала 1890-хъ гг. Въ сферѣ общественной это былъ эволюціонный социализмъ, съ сильнымъ народническимъ оттѣнкомъ, служившій, такъ сказать, смягченною параллелью къ землевольческимъ и народовольческимъ теченіямъ Россіи. Въ сферѣ политической—демократическій конституціонализмъ и федерализмъ, представлявшій новое, исправленное изданіе федералистическихъ идей Кирило-меоодіевцевъ, освобожденныхъ отъ религіознаго мистицизма, которымъ была сильно проникнута Кирилло-меоодіевская программа, и перенесенныхъ съ почвы славянофильской (федерация славянскихъ народовъ) на реальную почву современныхъ отношеній. Своей цѣлью онъ ста-

¹⁾ См. краткій очеркъ въ моей статьѣ „Украинскій Пьемонтъ“; подробности въ XXV главѣ „Очерка исторіи украинскаго народа“.

виль перестройку современной Россіи на федеративныхъ началахъ, съ національно-территоріальной автономіей во главѣ угла (у самаго Драгоманова, впрочемъ, этотъ принципъ національно-территоріальной автономіи неудачно затемнялся идеей автономіи областной).

Культурничество, — многочисленныхъ представителей котораго, живущихъ и умершихъ, менѣ яркихъ въ общемъ, чѣмъ какимъ былъ Драгомановъ для политическаго украинства, я не буду перечислять, — въ свою очередь пошло въ двухъ направленіяхъ. Одно, представленное отчасти кружкомъ „Кіевской Старины“, имѣло, — позволю себѣ такъ выразиться, — характеръ болѣе общерусскій. Оно оставляло политическую и общественную работу, въ болѣе либеральномъ или болѣе консервативномъ направленіи (смотря по взглядамъ отдѣльныхъ представителей этого направленія), такъ сказать, общеимперскимъ элементамъ. Удѣлъ Украинцевъ заключался въ томъ, чтобы производить надстройку надъ этою работою въ видѣ изученія Украины, сохраненія традицій украинскаго языка и литературы, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ — „для домашняго употребленія“, какъ говорилось, — которое бы не вызывало упрековъ въ сепаратизмъ. Съ проповѣдью такого скромнаго „украинофильства“ выступилъ между прочимъ и послѣдній изъ представителей Кирило-меодіевской тройки — Костомаровъ, въ послѣдніе годы жизни, впрочемъ, какъ говорятъ — изъ мотивовъ чисто тактическаго свойства.

Другое направленіе „культурничества“ — назову его радикально-національнымъ — старалось противопоставить великорусской стихіи стихію украинскую, съ ея самобытнымъ содержаніемъ, какъ равноправный и самодовлѣющій національный типъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Держась чисто „культурническаго“ направленія въ Россіи, представители этого направленія не прочь были однако вести политику въ Галиціи. Здѣсь при ихъ участіи созданъ былъ компромиссъ украин-

скихъ націоналистовъ съ центральнымъ правительствомъ и мѣстными польско-шляхетскими правящими кругами,—такъ называемая „угода“ 1890 г., имѣвшая цѣлью обезпечить здѣсь нестѣсняемое культурное развитіе украинства цѣною уступокъ политическаго характера—смягченія украинской оппозиціи польско-шляхетскому режиму. Компромиссъ этотъ впрочемъ весьма скоро окончилъ свое существованіе въ виду невозможности примирить въ дѣйствительности жизненные запросы украинства съ сохраненіемъ польско-шляхетскаго режима.

Чисто культурническое направленіе и на почвѣ Россіи скоро обнаружило свою полную несостоятельность. Съ одной стороны, старый режимъ оставался непреклоннымъ въ своемъ преслѣдованіи *всякаго* проявленія украинскаго національнаго сознанія, и никакимъ пониженіемъ украинскихъ запросовъ, никакими „отмежеваніями слѣва“ не удавалось здѣсь создать почвы для какого-либо легальнаго украинства. Съ другой стороны—съ совершенною ясностью обнаруживалось, что культурно-національные запросы украинства такъ тѣсно и органически связаны съ общественно-политическими, что невозможно выдѣлить ихъ, не обрекая на захуданіе. Поэтому даже чисто научная работа въ концѣ концовъ захирѣла въ кievскихъ украинофильскихъ кругахъ, отмежевавшихся слѣва, отъ „политики“, и, наоборотъ, развилась въ самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ на галицкой почвѣ, гдѣ культурная работа (до чисто научной включительно) не переставала быть интегральною частью политическаго и общественнаго движенія, борьбы за права народа и его трудящихся массъ.

Съ концомъ девяностыхъ годовъ паденіе культурничества стало очевиднымъ. Младшія поколѣнія отвернулись отъ этого „украинофильства“, и это имя пріобрѣло въ ихъ устахъ характеръ отрицательный, какъ обозначеніе несерьезнаго и поверхностнаго отношенія къ украинству. Во главѣ угла своей дѣя-

тельности они кладутъ сочетаніе національнаго радикализма ¹⁾—либо съ болѣе или менѣе лѣвыми общественно-политическими теченіями, въ видѣ народническаго социализма или социальнаго демократизма, либо съ болѣе умѣреннымъ конституціоннымъ демократизмомъ, то-есть возвращаютъ украинству политическій характеръ. И на этой почвѣ, подобно галицкимъ теченіямъ и партіямъ 1890-хъ годовъ, формируются и эволюционируютъ, главнымъ образомъ уже въ первыхъ годахъ XX вѣка, теченія и партійныя организаціи Украины Россійской, въ большинствѣ дѣйствующія и теперь.

¹⁾ Употребляю это выраженіе взамѣнъ „радикальнаго націонализма“, чтобы не придать ему неблагоприятнаго отбѣнка, которое такъ часто соединяется теперь съ словомъ „націонализмъ“.

ЗАПИСКИ
НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА ІМЕНІ ШЕВЧЕНКА,
український науковий журнал,
присвячений передовсім українській історії,
фільольогії й етнографії,

виходить під редакцією М. Грушевського, що два
місяці книжками по 15 аркушів.

XV рік видання.

Розвідки з наук історичних і фільольогічних, матеріали й замітки, перегляд часописей українських й інших (до двіста часописей), критичні оцінки й реферати з наукової літератури, що дотикає українознавства.

**Передплата в Росії 6 руб. на рік, поодинокі
книжки по 1 р. 50 коп.**

Посилати передплату на адресу: Львів (Lemberg),
Австрія, Чарнецкого 26, Наук. тов. ім. Шевченка
(Sevcenko-Gesellschaft der Wissenschaften), або через
контору Літературно-Наукового Вістника, Київ. Про-
різна 20.

Въ продажѣ имѣются

еще слѣдующія сочиненія и изданія автора.

Исторія України-Руси, 2 изд., т. I, II і III, 1904—5, по 3 р. 60 к.	
т. IV, 2 изд. (печатається)	3 „ 50 „
т. V, 1 изд., 1905	3 „ 60 „
т. V, часть вторая отдѣльно	1 „ 75
т. VI, 1 изд.	3 „ 50 „
Розвідки й матеріали до історії України-Руси, кн. II—V	5 „ 50
Люстрації королівщини в руських землях XVI в., т. I—IV (Жерела до історії України-Руси, т. I, II, III і VII)	8 „ 00
Вступний виклад з історії давньої Руси, 1894	0 „ 10
Виймки з жерел до історії України-Руси кн. I— до пол. XI в., 1895	1 „ 00
Описи Ратенського староства, 1898	0 „ 30
Хмельницький і Хмельницина, 2 изд., 1899	0 „ 10
Звенигород галицький, 1899	0 „ 35
Похоронне поле в с. Чехах, 1899	0 „ 30
Справа українсько-руського університету у Львові, 1899	0 „ 25
Хронологія подій Галицько-волинської літописи, 1901	0 „ 50 „
Чи маємо автентичні грамоти кн. Льва	0 „ 25
Економічний стан селян в Львівській королів- щині XVI в., 1903	0 „ 10 „
Звичайна схема „руської“ історії й справа раціо- нального укладу історії східнього словян- ства, 1904	0 „ 10
Етнографічні категорії й культурно-археологічні типи в сучасних студіях східньої Європи, 1904	0 „ 15
Спірні питання староруської етнографії, 1904	0 „ 25 „
Матеріали до історії суспільно-політичних і еко- номічних відносин Західньої України, ч. I, 1905	1 „ 50 „

Про давні часи на Україні (популярная історія України съ иллюстраціями) 1907	—	р. 20 к.
За української маслак (в справі Холмщини), 1907	—	8 „
З біжучої хвилі. Статі на теми дня (печатається).		
Про українську мову й українську справу. Статі й замітки (пачатається)		
Очеркъ історіи Кіевскої землі отъ смерті Ярослава до конца XIV столѣтія, 1891	2 „	75
Волинскій вопросъ 1098—1102 г., 1891	— „	30 „
Къ вопросу о Болоховѣ, 1893 .	—	15
Барское староство, историческіе очерки, 1894.	2 „	25
Акты Барскаго староства т. I—II, 1893—4 (Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1 и 2) .	4	—
Львовское Ученое общество им. Шевченка и его вклады въ изученіе Южной Руси, 1904	—	30
Еще о грамотахъ кн. Льва галицкаго (по поводу статьи проф. Линниченка), 1904 . .	—	15
Очеркъ історіи украинскаго народа 2 изд., 1906	2	50
Украинство въ Россіи, его запросы и нужды, 1906	— „	25
Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ. Статьи и замітки	1	—
Украинскій вопросъ .	— „	15 „
Единство или распаденіе Россіи?	—	8 „
Автономія и національный вопросъ .	—	8 „
Движеніе политической и общественной украинской мысли въ XIX ст.	— „	8
Вопросъ объ украинскихъ каѳедрахъ и нужды украинской науки	— „	20
Изъ польско-украинскихъ отношеній Галиціи. Нѣсколько иллюстрацій къ вопросу: автономія областная или національно-территориальная	— „	30
Geschichte des ukrainischen (ruthenischen) Volkes, autorisierte Uebersetzung aus der 2 ukrainischen Ausgabe, I Band (Kommissionsverlag von B. G. Teubner in Leipzig)		18.00 Mark.

Склады въ книжныхъ магазинахъ: Наук. товариства ім. Шевченка въ Львовѣ, Театральна 1 (Lemberg, Theaterstr. 1, Schewtschenko-Buchhandlung), „Кіевскої Старини“ в Кіевѣ, Безаковская, 8, Н. П. Карбасникова, М. В. Пирожкова и „Общественной Пользы“ въ С.-Петербургѣ, и др.